

**К демографической и
социальной истории
Черноземья: данные
метрических книг и реестров
населения в контексте
исторических источников**

Влас Александрович Рязанов
(vlas.ryazanov@gmail.com), Институт
экономики РАН, Россия.

**On the demographic
and social history of the
Chernozem region: data of
parish registers and censuses
in the context of historical
sources**

Vlas Ryazanov
(vlas.ryazanov@gmail.com), Institute of
Economics of the Russian Academy
of Sciences, Russia.

Резюме: В статье автор рассматривает метрические книги и ревизские сказки черноземного села Снежеток за столетний период (1758-1862 гг.) в качестве объективного источника данных о социальной истории этой территории в XVIII-XIX веках. Они показывают сравнительно низкое формальное соблюдение как установлений Церкви (несоблюдение постов, высокая внебрачная рождаемость, наличие венерических заболеваний, случаи полигамии), так и гражданского законодательства (частые нарушения минимального брачного возраста), заметное откладывание женитьбы мужчинами при важности патрилинейного родства (давние и устойчивые фамилии), миграционную подвижность и практику сильного завышения возраста пожилых умерших. Данная картина в самой плодородной части Центральной России слабо соотносится с классическими чертами устойчивых земледельческих сообществ, но соответствует культурным реалиям, унаследованным от пионерного военного населения смешанного этнического происхождения, которые подтверждаются многочисленными историческими материалами. Автор рассчитывает демографический вес Черноземья в XVII-XXI веках и на основе его большой величины (40% населения Центральной России в XIX веке) ставит под сомнение утверждение о преимущественно земледельческом характере русского дореволюционного общества в целом. Рассмотрение демографической истории Черноземья до и после хронологических рамок массива метрических книг позволяет сделать вывод об «эффекте колеи» и сильной зависимости социально-экономической динамики от унаследованного культурного базиса.

Ключевые слова: Россия, историческая демография, Черноземье, метрические книги, XVIII век, XIX век, модернизация, социальная история.

Благодарности: Автор благодарит коллектив Института демографии им. А.Г. Вишневого ВШЭ, семинар которого стал основой для появления идеи статьи, анонимных рецензентов за ценные замечания и глубокое погружение в проблематику текста, Л.А. Кадилову за помощь в подготовке картографического материала.

Для цитирования: Рязанов В.А. (2023). К демографической и социальной истории Черноземья: данные метрических книг и реестров населения в контексте исторических источников. Демографическое обозрение, 10(3), 103-124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17972>

Abstract: In the article, the author uses the parish registers and tax censuses of the village of Snezhetsk, one of the parishes of the Chernozem region, over a hundred years (1758-1862) as an objective source of data on the social history of this territory in the 18th-19th centuries. They reveal relatively low formal compliance with both the Church's regulations (non-observance of fasts, high illegitimate birth rate, the presence of sexually transmitted diseases, cases of polygamy) and civil legislation (frequent violations of the minimum age of marriage), noticeable postponement of marriage by men despite the importance of patrilineal kinship (early and stable surnames), active migrations and the practice of strong inflation of the age of the elderly dead. This picture, in the part of Central Russia with the most fertile soil, correlates poorly with the classical patterns of established agricultural communities, but corresponds to the cultural realities inherited from the pioneer military population of mixed ethnic origin, which are confirmed by numerous historical sources. The author calculates the demographic weight of the Chernozem region in the 17th-21st centuries and, based on its enormous size (40% of the population of Central Russia in the 19th century), casts doubt on the general idea about the agricultural nature of the entire Russian pre-revolutionary society. Consideration of the demographic history of the Chernozem region before and after the chronological framework of

the array of parish registers allows us to make projections about the strong "path dependence" of socio-economic dynamics on the inherited cultural basis.

Keywords: *Russia, historical demography, Chernozem region, parish registers, eighteenth century, nineteenth century, modernization, social history.*

Acknowledgments: *The author thanks the team of the A.G. Vishnevsky Institute of Demography of the Higher School of Economics, whose seminar became the basis for the idea for the article, anonymous reviewers for valuable comments and deep immersion into the problems of the text, and L.A. Kadirova for assistance in preparing the cartographic material.*

For citation: *Ryazanov V. (2023). On the demographic and social history of the Chernozem region: data of parish registers and censuses in the context of historical sources. Demographic Review, 10(3), 103-124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17972>*

Введение

В декабре 2020 г. на семинаре Института демографии ВШЭ, где автор делал доклад об опыте анализа метрических книг трех приходов в дореформенной Российской империи¹, участники задали вопросы о том, какие же культурные причины могли скрываться за различием демографических показателей в разных частях страны. Близкий вопрос об историческом контексте эпохи задал и один из анонимных рецензентов последующей статьи с результатами исследования (Рязанов 2021).

В отличие от количественно измеримой демографии, история и культурология оперируют качественными категориями, и делать здесь какие-либо выводы – это в любом случае ступать на тонкий лед. Хороший пример уверенной ходьбы и даже скольжения по такому льду – вышедшая ровно четверть века назад книга основателя Института демографии ВШЭ и блестящего публициста А.Г. Вишневского «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР» (Вишневский 1998). В ней демографические изменения в XX веке рассматриваются в контексте культурного, политического и экономического транзита страны. Разные ветви гуманитарных исследований там пересекаются и перетекают друг в друга – они об одном, о людях. Как и положено фундаментальным трудам, книга вызвала живой обмен мнениями, который был опубликован и завершается высказыванием самого А.Г. Вишневского: *«Пока еще никто не показал, что можно двигаться в ином направлении, нежели от аграрного общества — к промышленно-городскому»* (Круглый стол 2002: 85). И сразу хочется ответить – можно! И не обязательно приводить примеры коллапса древних городских цивилизаций, достаточно посмотреть на недавний транзит многих стран с использующей дары природы экономикой к торгово-сервисной городской культуре, минуя как земледельческое, так и индустриальное общество. Монголия, Саудовская Аравия, Киргизия, Ливия и другие государства не возделывали из поколения в поколение пашню и не проводили многочасовые смены у станков. В иных культурах физический труд и земледелие – вообще презираемый удел низших каст, а высших достойны богообщение, военное дело и управление финансами и людьми.

Сравнение демографической и, шире, социальной истории разных частей Европейской России заставляет сомневаться в справедливости тезиса о земледельческом характере русского общества применительно к его, казалось бы, самой аграрной части – Черноземью. Потому что именно демографические черты находящегося там села Снежеток (с середины XIX века – Большой Снежеток, ныне Чаплыгинского района Липецкой области) вызывают наибольшие вопросы на предмет соответствия классическим схемам социокультурной динамики. В черноземной глубинке середины XVIII – середины XIX веков естественно ожидать многопоколенные набожные семьи, истари занятые земледелием, которое вознаграждает их благополучием и стабильностью. Но почему-то такую картину скорее показывает вотчина в приходе села Яринского посреди лесов и болот Калязинского уезда. А вот через метрики и ревизские сказки Снежетка проступает культурная реальность, которая явно близка чему-то другому. И исторические источники подтверждают это, хорошо резонируя с данными первичной демографической статистики черноземного прихода.

¹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0883/nauka03.php>

Эта статья – попытка интеграции выводов, которые были получены автором при исследовании метрических книг прихода Снежетка за столетний период (1758-1862 гг.), и источников об истории Черноземья как до, так и после данных хронологических рамок. Ее цель – встроить результаты собственных изысканий в картину демографической и социальной динамики России. Очевидное ограничение исследования – злоупотребление методом индукции. Сельская Россия не сводится к Черноземью, а оно – к однодворцам и единственному рассмотренному приходу. Даже если отраженная в метриках и ревизиях социальная реальность хорошо согласуется с историческими источниками, хотелось бы, чтобы выборка была кратно больше. К сожалению, пока состояние российского архивного дела не очень этому способствует и аналогичных исследований крайне мало. Чем больше их будет, тем более детальной будет картина демографической и социальной истории России, а ее восприятие – трезвым и объективным.

Мнения об основаниях дореволюционного общества

Для девелопментологии обычны типологии культур, их иерархическое оценивание, которое Вишневский в «Серпе и рубле» делает достаточно резко: *«Русское аграрное, сельское общество, существовавшее вплоть до XX века, свойственные ему формы общежития могли казаться очень сложными и только с высоты сегодняшнего дня выглядят «простыми». Простыми, чтобы не сказать примитивными, были и все его социальные механизмы»* (Вишневский 1998: 18). Определяя русское общество как аграрное, Вишневский приводит и его свойства как такового: *«Натуральное крестьянское хозяйство, простые общественные связи и примитивные формы их опосредования, синкретическое мышление, холистская, «соборная» ценностная парадигма — главные устои русского аграрного общества, гаранты его целостности и жизнеспособность»* (там же: 19).

Но было ли и как давно дореволюционное российское общество действительно аграрным, земледельческим? Кому-то сам вопрос может показаться абсурдным – то, что подавляющая часть населения страны жила в сельской местности и пашенным трудом, общепризнанный статистический факт. Однако, перефразируя Булгакова, жить на нивах еще не значит стать земледельческим обществом. Географ-экономист и страновед А.И. Трейвиш емко описал экономическую и социальную траекторию русской истории, в которой решающими долго были совсем другие занятия и ресурсы (Трейвиш 2009: 88-90):

- X-XI века – «Рюриковичи ... жили войной и торговлей, не имея деревень и пашен, и сбывая «в греки» мед и мех, собранные на зимнем полюдь»;
- XII-XIII века – «аграрная рента скудна, и Русь идет в таежные дали за пушниной. Город, центр ее сбора, доминирует не только потому, что сам силен, но из-за немоги села»;
- XVI-XVII века – «Рост внутреннего рынка начал дифференцировать развитие лесной торгово-ремесленной и степной хлебной зон, Москвы и окраин. Однако неудачи так очевидны, что Лейбниц прочил России участь шведской колонии»;
- XVIII-XIX века – «Россия, наконец, пробила морские окна и вывозит на Запад хлеб. Золотой век ее знати ... зиждется на барщине».

На явно неземледельческий характер хозяйства и общества Руси, которая долго не стремилась двигаться в плодородные степи, на очень позднее в сравнении с Европой становление соответствующей экономики обращали внимание давно. *«Пока Русь сидела*

на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок» (Ключевский 1882: 13). «Торговля зерном не играла значительной роли - если вообще имела значение - в русской внешней торговле. Большую часть ее объема составляли продукты охоты и лесных промыслов: пушнина, воск и мед» (Вернадский 1948: 89). То, что документально основу экспорта Руси составляли продукты промыслов, примерно как и сейчас², в классические схемы стадияльного марксистского понимания истории ложилось плохо, поэтому советской и частично постсоветской историографией последовательно отвергалось. «В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси земледелие было основным занятием народа» (Греков 1944: 35). «Многие столетия великорусский пахарь мог сводить концы с концами только ... путем разного рода лесных рощистей, сжигая срубленный лес и эпизодически получая высокие урожаи. Необходимость постоянного сведения лесов ... укрепляла потенциал традиционной общинной организации» (Милов 2003: 775). В новейшей российской историографии вопрос культурных оснований русского общества приобрел особую остроту в связи с оценкой причин революции 1917 г. Так, С.А. Нефедов видит ее корни в мальтузианском кризисе земледельческого общества: «Основной причиной революции был низкий уровень жизни, а причиной низкого уровня жизни было аграрное перенаселение...» (Нефедов 2016: 58). С точки же зрения Б.Н. Миронова, революция – результат разрушительных действий политических радикалов, стремившихся искусственно ускорить естественную модернизацию (Миронов 2017: 36).

Исследования первичных источников

Интерес исследователей к исторической демографии России появился сразу же, как только во второй половине XIX века профильные ведомства начали собирать, агрегировать и публиковать соответствующую статистику. Однако это были исследования верхнего уровня с анализом лишь самых общих демографических характеристик: динамики численности населения, его половозрастного состава, числа рождений, браков и смертей с распределением последних по заявленным возрастам умерших. Источники первичной демографической статистики – ревизские сказки, исповедные ведомости и, особенно, метрические книги – долгое время почти не изучались. Для полноценной работы с ними (формирования демографических баз данных) необходим доступ к архивным делам, их оцифровка и расшифровка, применение автоматических алгоритмов обработки данных. Эти условия начали выполняться только ближе к концу XX века, но, несмотря на это, соответствующие исследования до сих пор единичны и фрагментарны.

В советский период ревизские сказки и иные переписи населения изучали преимущественно с акцентом на экономическую, а не социальную историю. Интерес исследователей к составу домохозяйств, типам семей, обычным жизненным траекториям людей был связан с попытками встроить социальную реальность дореволюционной России в схемы и теории гуманитарных наук. При этом активность зарубежных авторов в этом направлении была едва ли не большей, чем отечественных. Известны и часто цитируются работы Питера Запа, Стивена Хоха и Родни Бохача, опубликованные еще в 1970-80-е годы и посвященные подтверждению на материалах

² https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

ревизских сказок тезиса Джона Хайнала о многопоколенных семьях и ранних браках в России XIX веке (Kolle 2006: 15). Однако более глубокие исследования сразу же приводят к выводам о недостаточности ревизских сказок как материалов для социальной истории России в силу их эпизодичности и отражения формально-учетного, а не фактического состава домохозяйств, который может быть установлен только с помощью исповедных ведомостей и метрических книг (Avdeev, Troitskaia, Blum 2004: 724).

Метрические книги как источник точных первичных сведений о рождениях, браках и смертях давно используются в демографических исследованиях (Винник 2012b), однако подробных опубликованных результатов с опорой на массив данных хотя бы за несколько десятилетий до сих пор крайне мало. Это работы по изучению Выхинской вотчины Шереметьевых в Московском уезде в 1815-1917 гг. А. Авдеева, И. Троицкой и А. Блюма (Avdeev, Troitskaia, Blum 2004), исследование М. Винник Покровского прихода г. Барнаул в 1877-1886 гг. (Винник 2012а) и ряд других. При этом в основном в фокусе внимания находится дореволюционный период с середины XIX века, тогда как более ранняя историческая эпоха, не затронутая на основной территории страны процессами урбанизации и индустриализации, рассматривается крайне редко.

Между тем для понимания того базиса, от которого отталкивались начавшиеся в середине XIX века модернизационные процессы и который не мог не повлиять на их результаты, необходимо детально исследовать социальную и демографическую историю России как минимум за предшествующее столетие, тем более что необходимые источники для этого есть и постепенно становятся доступнее.

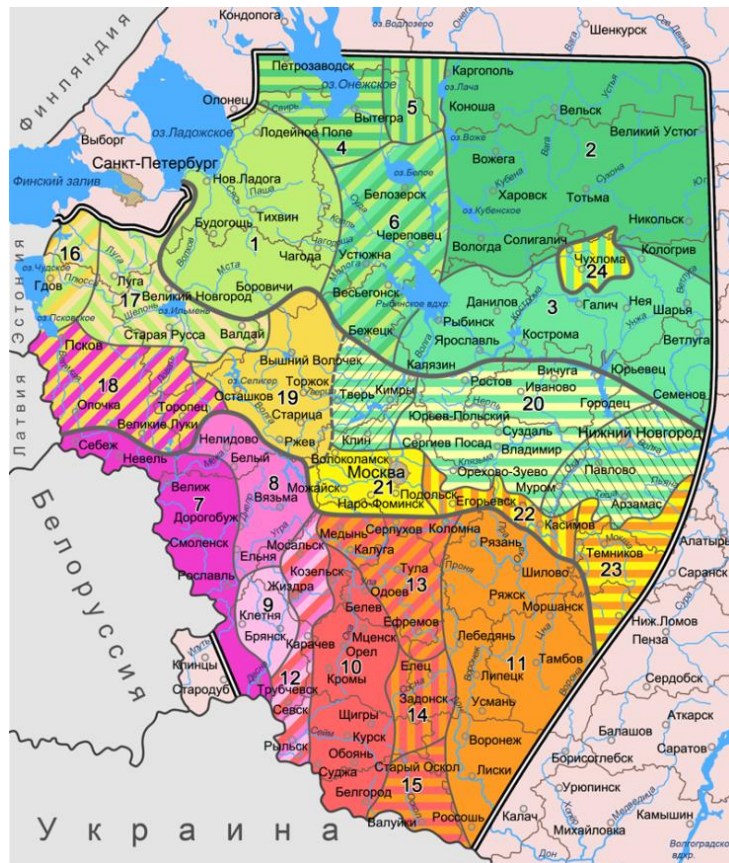
Демографический вес и состав населения Черноземья

Нужно определить, что мы считаем коренной Россией, т. е. территорией, на которой сформировалась культура, лежавшая в основе того общества, о котором говорили А.Г. Вишневский и другие авторы. В 1965 г. была опубликована карта диалектов русского языка «раннего формирования» (Захарова, Орлова 1965), общая площадь распространения которых примерно соответствует нынешнему Центральному и южной части Северо-Западного федеральных округов с добавлением Нижегородской области (рисунок 1).

Общий контур определенной таким образом «коренной России» почти идеально ложится как на сетку губерний Российской Империи 1914 г., так и на сетку областей Российской Федерации 2021 г. и может быть разделен на пять природно-исторических районов:

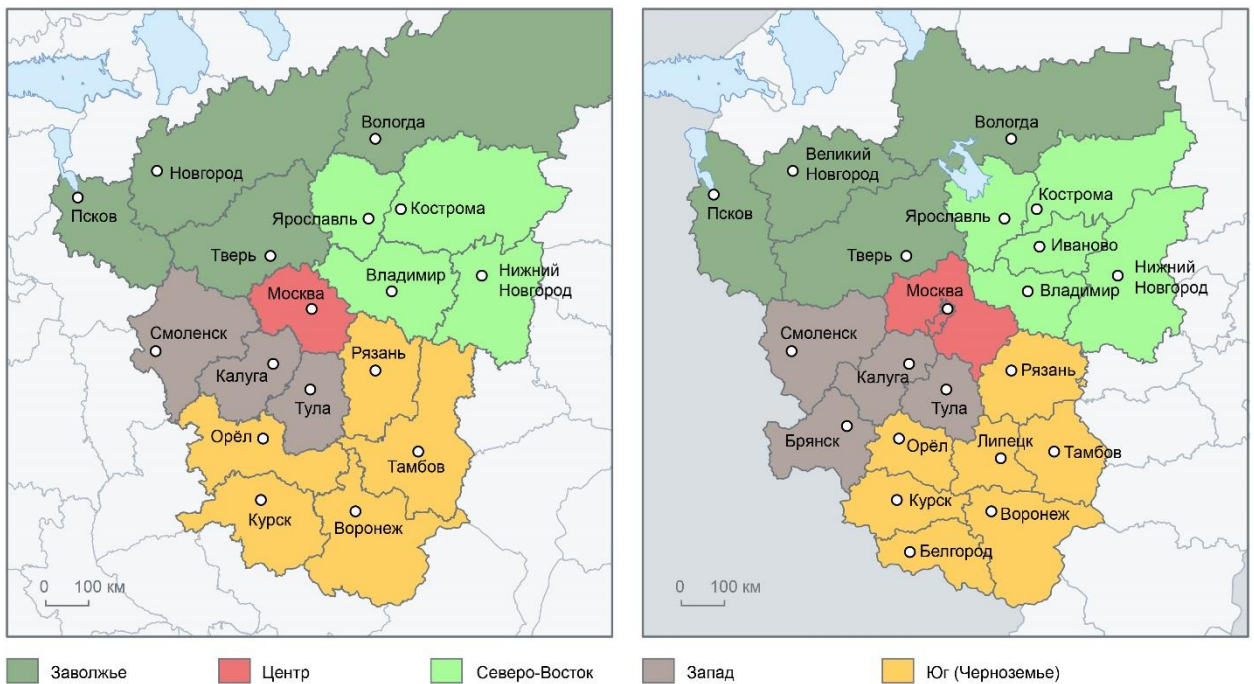
1. Центр вокруг Москвы;
2. Северо-Восток с Ополем;
3. Заволжье с болотами;
4. Запад с лесами и
5. Юг со степями и лесостепями (рисунок 2).

Рисунок 1. Ареалы базовых диалектов русского языка

Источник: (Захарова, Орлова 1965).

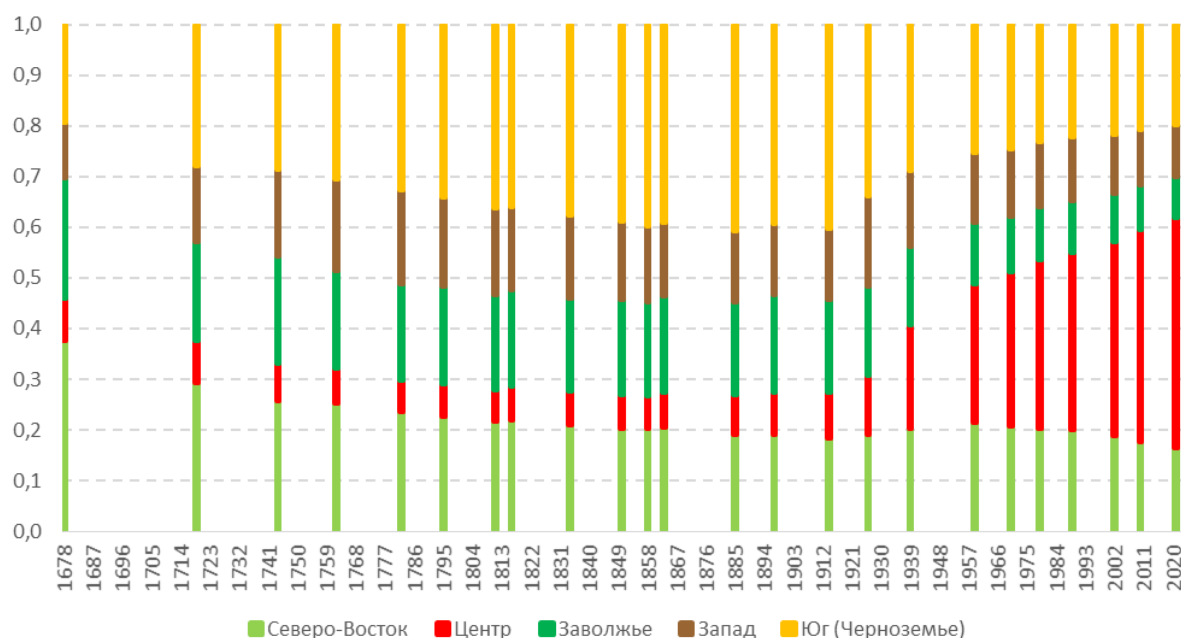
Рисунок 2. Деление территории базовых диалектов русского языка на природно-исторические районы по регионам, 1914 и 2021

Источник: Районирование автора.

Динамика географического распределения людности внутри этого полигона по выделенным районам за 350 лет (рисунок 3) показывает драматические изменения, которые происходили в размещении населения «коренной России». Наиболее ярким из них был стремительный рост доли черноземного Юга в течение XVII-XVIII веков с менее чем 20% до почти 40%, и удержание ее на этом и даже более высоком уровне в течение XIX и начале XX века. Между первой (1719 г.) и последней (1858 г.) ревизиями Юг обеспечил более 50% прироста населения «коренной России» (см. Приложение). Если бы к Югу можно было добавить юго-восточную половину Тульской губернии, то его демографический вес был бы еще больше. О вкладе аграрной колонизации Юга в российскую экономику того времени можно судить по резкому удешевлению хлеба в первые десятилетия XVIII века (Мустафин 2021), что означало рост благополучия и улучшение демографических показателей жителей всей страны.

Рисунок 3. Структура распределения населения по выделенным районам, доли от 1

Источники: Расчеты автора по данным (Водарский 1977; Кабузан 1963; Рашин 1956; Демоскоп Weekly 2023).

Примечания: Брянская область в 1926 г. и далее целиком учтена как Запад, ранее ее восточные районы с Брянском входили в Орловскую губернию, западные были частью Черниговской вне рассматриваемой территории страны. Распределение населения по данным переписи 1939 г. сделано на основе послевоенных оценок ЦСУ СССР числа жителей новых регионов в 1941 г. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564 по (Жиромская, Исупов, Корнилов 2020: 852)).

Территория Юга, которую мы дальше будем привычнее называть Черноземьем, в Средневековье представляла собой так называемое Дикое Поле, пограничную полосу между лесной и степной частями Русской равнины, которая столетиями служила русско-степным фронтиром со специфической синтетической культурой. В XI веке ее нынешняя русская часть была землей Черниговского княжества, которое протягивалось на 850 км от Чернигова до Муром, позднее политическим центром этих земель было Рязанское княжество, от которого осталось сравнительно мало документальных источников. История последующей русской колонизации Черноземья в XVI-XVII веках путем создания

засечных черт и системы крепостей с размещением военно-служилого населения хорошо документирована и детально описана исследователями, которые работали с фондами РГАДА и региональных архивов (Загоровский 1991).

Военно-служилое население, в дальнейшем ставшее однодворцами, имело пестрое социальное и этническое происхождение. Во «владельцев одного двора» превращались как младшие потомки дворянских и боярских родов, так и вольные люди Дикого Поля, условно называемые казаками, в том числе представители народов Поволжья. В частности, в перечне личного состава полка Пола Мензиса (в России Павел Менезий) в 1677 г. значительное число составляли татары из Шацкого уезда (Чарыков 1906: 400). Однодворцы получали от государя мельчающие земельные наделы и иногда деньги за военную службу, которая могла представлять собой и профанацию вроде службы «с казенной рогатиной» в конце XVII века. Военное дело, особенно за твердое жалованье, однодворцы естественно предпочитали земледелию, которым должны бы заниматься крестьяне (но их, как правило, не было), и поэтому стремились попасть в «полки иноземного строя», особенно рейтарские.

Для демографической истории Черноземья критически важным обстоятельством было то, что от строительства засечных линий до петровских времен владеть землей в бывшем Диком поле могли только те, кто был записан нести там службу (Нечаев 2020: 55). В результате массовый приток не-однодворческого крепостного крестьянского населения в Черноземье начался только в начале XVIII века, когда общая культурная и экономическая среда региона и сеть его поселений уже были сформированы и в дальнейшем оказались очень устойчивыми (Жуков, Канищев, Лямин 2020). Это не могло не привести к усвоению новыми переселенцами быта и нравов старожилов, которые также хорошо документированы (Ляпин, Мизис 2021).

От казацкой среды, где даже в конце XVII века земледелие было под запретом как несовместимое с вольно-военным образом жизни (Ларионов 2007), однодворцы унаследовали низкую привязанность к определенному месту. Они переселялись как внутри региона, так и за его пределы (Кудланов 2022b). Широкими были и брачные контакты однодворцев, причем как в сословном, так и в географическом отношении. У однодворцев Снежетка по ревизии 1762 г. среднее расстояние до родных мест жен составляло около 15 км, у их дочерей, выданных замуж, по ревизиям 1782 и 1795 г. – более 10 км. В других рассмотренных автором приходах брачные миграции, если и были, обычно ограничивались ближайшими, в пешей доступности, окрестностями сел.

Для однодворческого мира были характерны культурные явления народов Поволжья, в частности, типичный для исламских этносов обычай строительства дворов-крепостей с глухой стеной, обращенной к улице (Зеленин 1913: 62), заметный даже на Черниговщине (Кудланов 2022a). В женском однодворческом костюме даже в западном Новосильском уезде конца XVIII века прослеживается мордовское влияние – похожие на пулай подвески сзади для защиты от «дурного глаза» (Управление Тульской палатой... 1795). Обычным для синтетических культур было и то, что авторы называют «религиозным либерализмом» однодворческой среды (Чуркин 2016: 37). Неслучайно, что именно в Черноземье отмечалась растущая активность новых религиозных движений, в имперский период называемых просто сектами (Белоножка, Клышнюк 2011).

Даже после притока помещичьих крестьян в начале XVIII века однодворцы составляли четверть жителей русского Юга (Водарский 1977), к 1834 г. их было почти

900 тыс. из 3,5 млн ревизских душ местного мужского населения (Кабузан 1963; Энциклопедический словарь... 1903: 727). В отношении крепостных крестьян однодворческое меньшинство было более статусной социальной группой – они были лично свободны и могли не только владеть землей, но и собственными крестьянами (которых, впрочем, почти не имели). В результате представители этого промежуточного сословия обеспечивали не только трансляцию собственной культуры локальным сообществам, но и ее экспорт в другие районы страны.

Основной численный вклад в начальный рост населения Черноземья внесло, судя по всему, земледельческое северо-восточное Ополье, людность которого на фоне колонизации Юга минимально росла в конце XVII в. (Водарский 1977) и сокращалась между первой и второй ревизиями (Кабузан 1963). Однако, благодаря «закваске» однодворческого меньшинства, еще в начале XX века культурные отличия Севера и Юга «коренной России» были столь велики, что Д.К. Зеленин даже считал северных и южных русских разными этническими группами независимого происхождения (Зеленин 1927). При этом в самом Черноземье различия между отдельными регионами оставались существенными и определялись сочетанием исторических, этнических и экономических факторов.

Снежеток

Упомянутое выше исследование автора (Рязанов 2021) сравнивало демографические показатели села Снежеток с подмосковным селом Бисерово (Богородский уезд) и вотчиной сельца Подол в приходе села Яринское Калязинского уезда. Данные метрических книг (в Снежетке это 6413 записей о рождении, 1392 – о браке и 3329 – о смерти) проверялись с опорой на реестры населения (ревизские сказки и исповедные ведомости), которые также содержат значимую демографическую информацию. Позже по аналогичной методике было выполнено сравнение прихода Бисерово с соседним приходом Кудиново, где было развито организованное промышленное производство (Рязанов 2022). Все исходные данные (своды расшифрованных метрических книг и реестров населения) размещены автором в открытом доступе на портале «Всероссийское генеалогическое древо»³, таким образом результаты исследования воспроизводимы и проверяемы.

Снежеток был основан и заселен только в 1710-е годы. Первоначально большинство его жителей составляли однодворцы, но уже к 1744 г., когда он упомянут как село⁴, в нем преобладали крепостные крестьяне. Если в 1719 г. в Снежетке жило чуть более 300 человек, то к концу столетия храм Архангела Михаила имел около 1,5 тыс., а к середине XIX века (демографическому «зениту» Черноземья) – 2,5 тыс. прихожан. Административно Снежеток входил в Иловайский стан Козловского уезда, а после губернской реформы 1775 г. оказался в Рязанском наместничестве. Крайнюю удаленность от губернского центра несколько уравновешивала близость к выделившемуся из окружающих сел уездным статусом Раненбургу. В XVIII веке ревизии⁵ Снежетка отмечают заметные «перетоки» однодворцев внутри Черноземья, а в 1807 и 1828 г. состоялись их организованные переселения в Оренбургскую губернию.

³ <https://vgd.ru/>

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1403.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2 (первые три ревизии), ГАРО. Ф. 129. Оп. 1, 17, 19, 32, 46, 54 (последние семь ревизий).

Ряд агрегированных по десятилетиям демографических показателей Снежетка и трех других рассмотренных автором приходов приведены в таблице ниже, а их подробная динамика и методология работы с первичными данными полностью описаны в указанных выше предшествующих публикациях. Анализ реестров населения и метрических книг⁶ черноземного прихода показывает характерные черты демографического поведения местного населения.

Прежде всего, заметно частое несоблюдения постов. Оценить его можно по доле родившихся в мае, сентябре и декабре (вероятные зачатия в Успенский, Рождественский и Великий со смежными неделями посты), которая в Снежетке близка к четверти, а в XVIII веке была еще выше, т. е. дети тогда во время постов зачинались даже чаще, чем в иное время. Также в приходе нередко нарушался минимальный брачный возраст. В 1830 г. он был установлен в 18 лет для юношей и 16 для девушек, однако из 582 записей о браке после этого времени, в тех случаях, когда реальный возраст новобрачных можно проверить поиском записей о рождении, он был нарушен для мужчин в 14 из 120 венчаний, а для женщин в 12 из 92 венчаний, т. е. в 12-13% браков. При этом средний возраст первобрачных не был низким; мужчины вступали в брак не в юности, очевидно, уже имея потенциал для экономической автономии среди родственников. Максимально ранние женитьбы ради увеличения размера многопоколенной семьи здесь не были нормой. Еще одной яркой чертой Снежетка было неоднократное нарушение запрета венчания на Святки.

Внебрачная рождаемость в приходе Снежетка была заметным явлением (в XIX веке 5-6%), а с 1840-х годов основной вклад в нее вносили рождения детей у женщин, которые никогда не состояли в браке (ранее матерями внебрачных детей становились вынужденно оставшиеся в одиночестве вдовы и солдатки). На либеральную половую жизнь указывает и неоднократное упоминание как причины смерти в приходе Снежетка «французской болезни» (сифилис). В приходе отмечаются и случаи юридической полигамии (вступление в брак лиц, уже состоящих в браке), которая оформлялась через «документарных двойников» в других селах⁷, записи в ревизских сказках⁸ и даже венчание⁹. Пренебрежение к установлениям Церкви и государства не ограничивалось только семейной сферой – в приходе зафиксированы три случая убийств.

⁶ ГАРО. Ф. 627. Оп. 248.

⁷ Так, «сходец» в Снежеток из села Бухового Добренского однодворец Т.Е. Кушинов в 1744 г. имел в родном селе младшего брата-тезку, якобы родившегося после ревизии 1719 г. и тоже вступившего в брак. Однако в 1719 г. отец Кушинова уже не упоминается среди живых селян.

⁸ В ревизской сказке Снежетка 1850 г. женой однодворца С.М. Лужнова показана М.В. (в девичестве Неретина), однако запись об их венчании отсутствует, а из записи в метрике о крещении ее внебрачной дочери в 1810 г. известно, что она была солдаткой (женой солдата) из села Пиковы Рясы и жила в доме М.А. Лужнова, которому неженатый тогда С.М. Лужнов приходился сыном.

⁹ В 1780 г. однодворец П.А. Лужнов венчался первым браком с однодворкой И.Е. (Ковешниковой, в девичестве Варвариной), однако в 1758 г. тот же священник там же венчал его брак с Е.А. Докучаевой, а И.Е. Ковешникова уже состояла в браке с М.С. Ковешниковым. Спустя два года, в 1782 г., однодворцы Снежетка сдали в Раненбургскую казенную палату ревизскую сказку, по которой новобрачные 1780 г. якобы продолжают жить с прежними супругами.

Таблица. Избранные демографические показатели приходов и опорных вотчин, агрегированные по десятилетиям

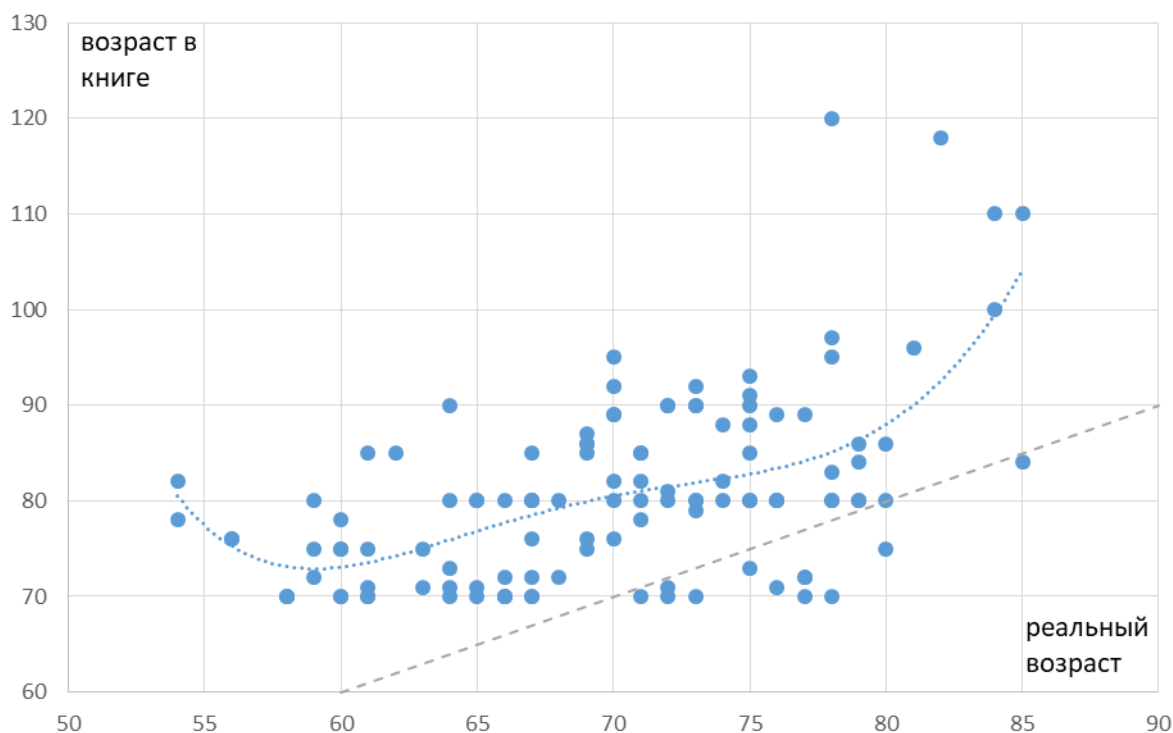
Показатель	Село	1760-е	1770-е	1780-е	1790-е	1800-е	1810-е	1820-е	1830-е	1840-е	1850-е	1860-е
Средний возраст жениха (первый брак), лет	Яринское	15,0	14,5	16,1	15,2	16,4	17,5	17,9	19,4	21,0	21,8	20,3
	Бисерово				19,0	20,9	22,9	22,2	24,6	25,5	25,2	25,4
	Кудиново				18,6	18,3	18,5	19,9	21,0	22,2	22,6	23,1
	Снежеток			17,5		21,4	20,5	19,0	19,7	21,2	22,0	22,5
Средний возраст невесты (первый брак), лет	Яринское	15,0	14,5	17,3	16,9	17,1	16,9	18,2	19,1	18,5	19,1	18,7
	Бисерово				14,7	20,0	20,5	22,0	20,9	22,4	22,3	20,9
	Кудиново				17,7	17,5	18,7	18,0	19,7	20,1	20,2	20,8
	Снежеток				18,5	18,4	18,6	16,9	17,8	18,1	19,5	18,9
Зачатия в посты, %	Яринское	19,9	21,7	17,9	14,7	13,6	16,3	18,1	17,2	18,9	23,3	22,0
	Бисерово		14,3	19,5	21,1	17,9	17,5	19,3	20,6	19,0	19,6	21,9
	Кудиново		16,1	15,1	22,2	18,9	19,2	18,4	21,5	18,0	19,4	18,9
	Снежеток	23,8	28,0	32,5	20,5	22,5	19,8	23,2	24,5	23,1	22,7	25,3
Рождения детей, зачатых вне брака, %	Яринское	0,0	2,1	1,9	2,0	2,1	3,8	2,0	1,8	2,2	2,8	2,2
	Бисерово		0,0	0,0	0,0	0,9	0,0	1,0	0,7	2,4	1,8	1,2
	Кудиново		0,0	0,8	3,9	3,0	2,9	4,6	2,9	3,1	1,2	0,2
	Снежеток	0,0	1,9	0,0	0,4	2,5	4,8	6,2	5,1	3,8	5,9	3,7
Отношение чисел новорожденных девочек и мальчиков	Яринское	0,76	0,82	0,79	0,81	0,89	0,91	1,01	0,95	1,02	0,96	1,15
	Бисерово		1,25	1,18	0,92	0,91	1,12	0,87	1,02	0,99	0,91	0,86
	Кудиново		0,89	1,01	0,62	0,76	0,78	0,97	0,93	1,06	0,98	1,04
	Снежеток	0,54	0,43	0,55	0,67	0,93	0,88	0,85	0,89	0,91	0,81	0,86
Дожили до взрослого возраста и вступили в брак (мальчики), по годам рождения, %	Яринское	35,9	40,8	21,9	49,2	45,5	38,2	51,2	42,2	20,6		
	Бисерово		23,1	17,0	22,5	20,0	31,2	25,7	20,7	3,9		
	Кудиново		38,5	13,5	27,3	25,4	27,1	38,7	28,4	4,9		
	Снежеток	6,3	7,1	17,4	26,7	36,2	29,0	18,7	17,3	4,9		

Источники: (Рязанов 2021: 41; 2022: 21)

Яркой чертой прихода Снежетка была устойчивость фамилий, причем не только среди однодворцев, но и среди крепостных крестьян, даже в XVIII веке. Это говорит о важности патрилинейного родства и общем патриархальном характере сообщества. Об этом же говорит практика сильного завышения возраста пожилым умершим (рисунок 4), известная в современной традиции как культ аксакалов – чем старше человек, тем больше у него должно быть живущих потомков, а значит, выше статус. В Снежетке возраст умерших завышался в среднем на 10 лет для умерших младше 80 лет, а для немногих лиц старше этого возраста инфляция становилась экспоненциальной.

При плохом ведении метрических книг в Снежетке (как видно из отношений числа новорожденных девочек и мальчиков и дожития мальчиков до венчания, многие рождения и браки в метриках не фиксировались) здесь появлялись «инновации» в расширении числа участников демографических событий. В XVIII веке там записывали «свидетелей погребения», а в 1793-99 гг. поручителями по бракам бывали и женщины. В других рассмотренных приходах подобных явлений не было.

Рисунок 4. Заявленный и фактический (проверка по ранним документам) возраст умерших старше 70 лет в метрических книгах Снежетка, лет

Источник: Расчеты автора.

Примечание: На графике к точкам наблюдения добавлен полиномиальный тренд (кривая того же цвета), а также показана линия равенства заявленного и фактического возраста (пунктирная прямая), выше которой более 90% точек наблюдения, т. е. искажение возраста умерших в метрических книгах (МК) Снежетка – это почти всегда его завышение.

Показатели рождаемости и смертности в черноземном приходе начинают выделяться в XIX веке, когда на фоне общероссийских эпидемий холеры Снежеток часто «собирал минимумы» медианного возраста умерших за отдельные годы. Также в приходе в силу более юго-восточного расположения раньше отмечался сезонный летний всплеск детской смертности. В результате по темпам роста населения Снежеток заметно отстает от

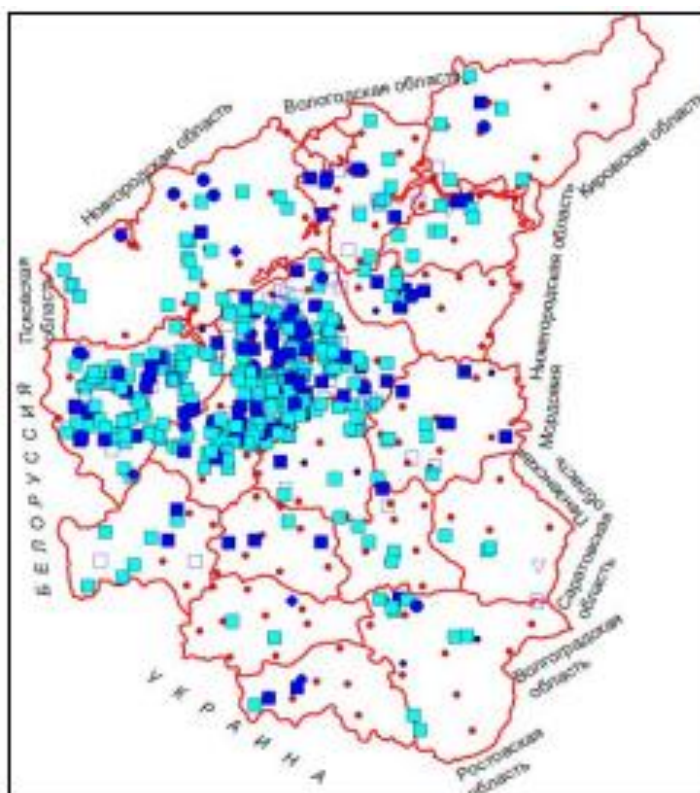
упоминавшейся вотчины сельца Подол в приходе Яринского. Но там почти совершенно другой социальный мир. Вотчина Подола – это закрытое эндогамное сообщество со строгим соблюдением религиозных предписаний и жесткими санкциями за их нарушение, многопоколенными семьями с безбородыми женихами, высокой рождаемостью, родственной сплоченностью и выдающимися показателями естественного прироста (в 1816-1834 гг. в среднем 1,74% в год), которые известны из образцово заполненных документов Церкви.

На 1862 г. метрические книги Снежетка надолго обрываются, как, впрочем, и реестры населения, кроме чудом уцелевшей и потому особенно ценной исповедной ведомости 1906 г.¹⁰ Однако демографическая и социальная история Черноземья, дореформенное столетие которой осветили приходские метрики, продолжила двигаться по прежней колее.

Путь к современности

Характерная черта дореволюционного Черноземья – малая людность городов при огромной общей численности населения. По переписи 1897 г. (Население городов 1897) в регионе, где тогда жило 11,4 млн, не было ни одного города хотя бы в 100 тыс. человек и ни одного из первых 25 в Империи. В чем причина явления? Стоит обратить внимание на слабое распространение в Черноземье капитальных дворянских усадеб (рисунок 5).

Рисунок 5. География усадебных комплексов Центральной России, построенных до 1812 г.

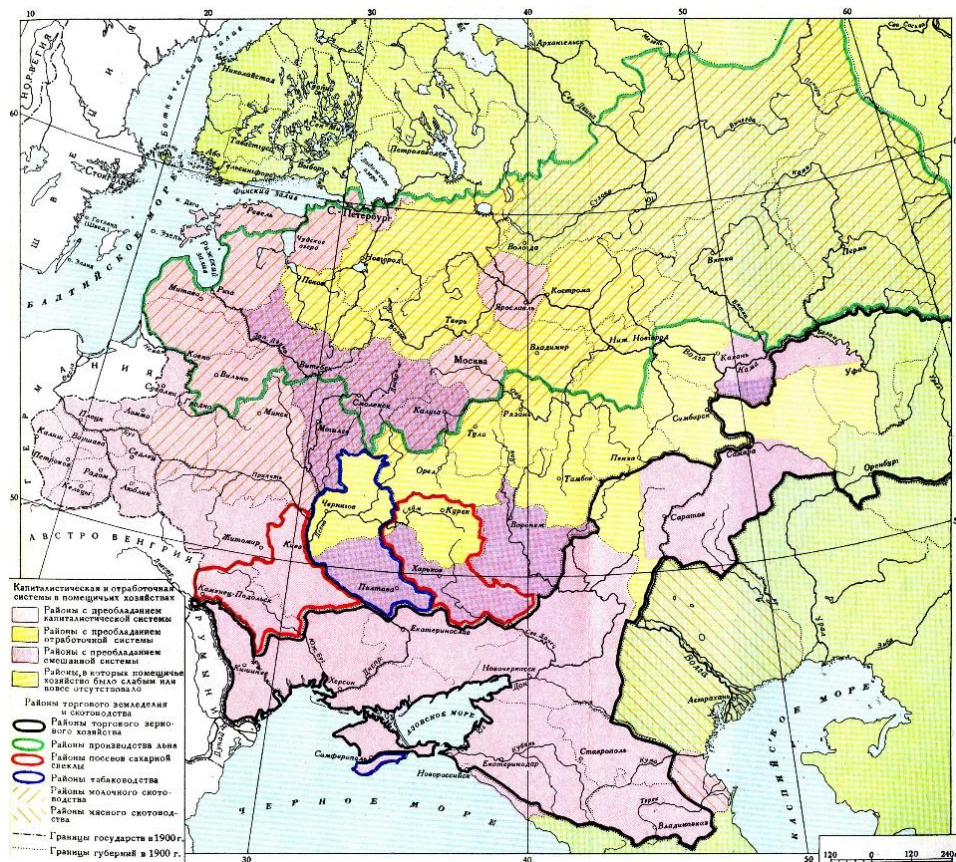
Источник: (Топорина 2011: 7).

¹⁰ ГАРО. Ф. 627. Оп. 165. Д. 11.

Номинально имений здесь было примерно 40% от всего их числа в «коренной России» (Водарский 1977), но в основном их центрами были вотчинные конторы для сбора и продажи земледельческой ренты. Дворяне, в начале XVIII века отправив сюда крестьян, сами не торопились обживать степи, а предпочитали тенистые усадьбы средней полосы и столичные города, где проводили время и тратили деньги. Слабость городских экономик на русском Юге усугублялась природной скудностью условий для неземледельческих занятий, делая здешнее хозяйство моноотраслевым. О состоянии местных городских экономик в XVIII-XIX вв. наглядно свидетельствует массовый отток однодворцев из городов Черноземья обратно в села и деревни (Кудланов 2022b).

Тяжело переживало Черноземье развитие рыночных отношений, которые начались со взлета хлебных цен в 1760-е годы (Миронов 1985) и последующего массового голода из-за неурожая конца 1780-х ¹¹. Если жителей северных регионов столетиями выручали неземледельческие занятия, без которых прожить в Нечерноземье трудно, а в дальнейшем и промышленное производство, которое повышало благосостояние и демографическое благополучие людей (Рязанов 2022), то на коренном русском Юге первых почти не было, а второе не появилось. Все контуры и ареалы рыночных производств даже на рубеже XIX и XX веков обходили Черноземье стороной – слишком далеко от портов и крупных городов (рисунок 6).

Рисунок 6. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Российской империи начала XX века

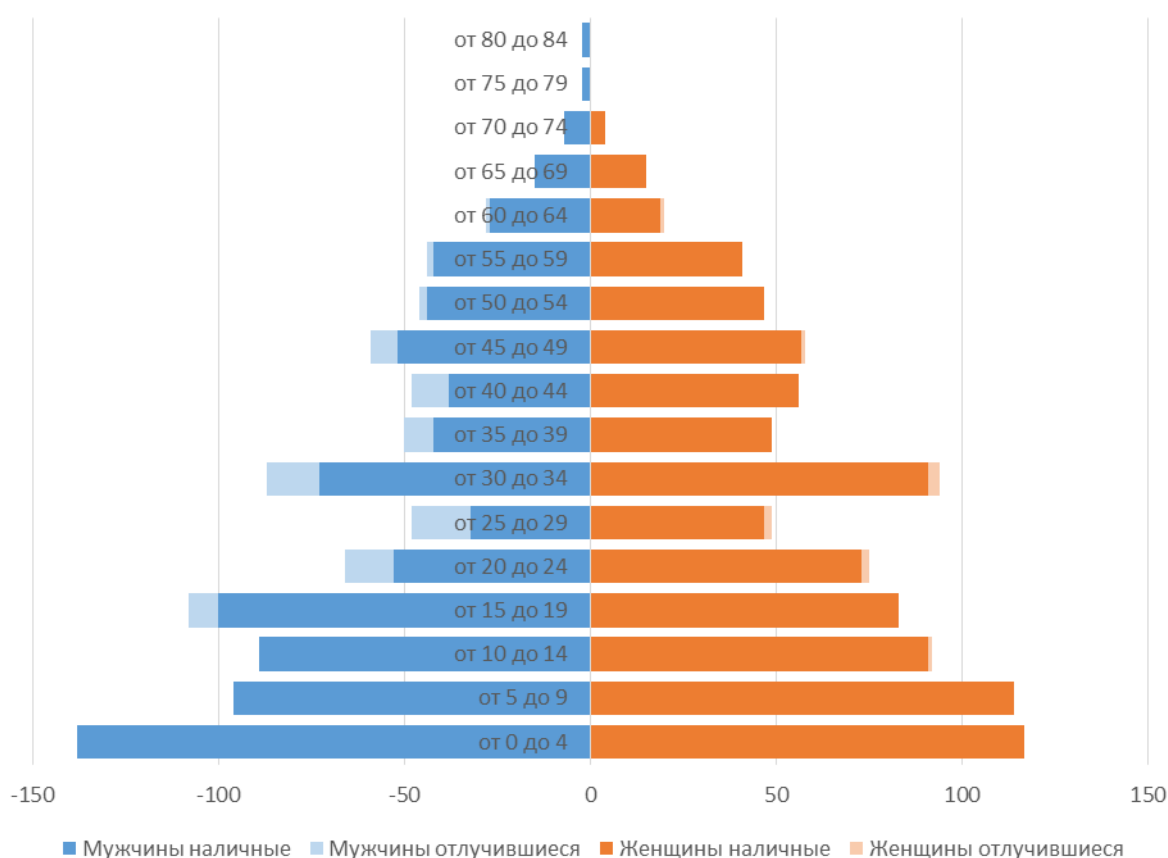

Источник: (Всемирная история 1960: 144).

¹¹ В Снежетке из вотчины М.А. Беклемишева в 1788-92 гг. бежала треть крестьян.

Проблемы черноземного аграрного сектора того времени хорошо известны: слабый в сравнении с более южными губерниями абсолютный рост урожайности зерновых (Обухов 1927), эрозия почв из-за чрезмерной распашки и пренебрежения агротехникой, трудности экспорта зерна из глубины страны. Поражали современников и социальные беды, хорошо описанные в публицистике и художественной литературе¹². Помимо распространения сект и общего морально-нравственного упадка, в глаза бросались низкий уровень жизни и маргинализация жителей, выход из которых виделся в переселении на восток и малоприбыльном отходничестве в неквалифицированный труд (Курцев 2008). В начале XX века больше четверти всех мужчин 20-30 лет в приходе Снежетка были в настолько длительных отлучках, что ни разу за год не были у исповеди и Причастия в родном храме, о чем упоминает исповедная ведомость (рисунок 7).

Рисунок 7. Половозрастная структура прихода села Большой Снежеток, 1906, с указанием отходников, чел.

Источник: Расчеты автора по данным исповедной ведомости села Б. Снежеток 1906 г.

При всех проблемах в этой внутренней периферии на начало 1914 г. жили 16 из 40 млн человек «коренной России», это колоссальный демографический и культурный вес. Социальные катастрофы XX века – Гражданская война и «красный террор», массовые репрессии при коллективизации, голод 1932-33 и 1946-47 гг., Великая Отечественная война – ускорили демографический упадок территории. Только за 30 с небольшим лет между

¹² Уроженцы Черноземья И.С. Тургенев (1818-1883), Н.С. Лесков (1831-1895) и И.А. Бунин (1870-1953) оставили в произведениях немало ярких и глубоко критичных картин местной жизни.

переписями 1926 и 1959 г. Черноземье потеряло почти четверть населения, немалая часть которого увеличила людность столичной агломерации (рисунок 3). Депопуляцию несколько затормозило освоение железорудных месторождений и появление черной металлургии.

В постсоветские годы Черноземье стало местом парадоксов, где жестоко пострадавшие от советской власти территории составили «красный пояс» (Туровский 2000), к началу 2010-х превратившийся в «библейский»¹³, правда, с минимальной рождаемостью¹⁴. Местное отходничество в 2010-х годах было малоквалифицированным, как и в начале XX века (Плюснин, Позаненко, Жидкевич 2015). Заметно ниже, чем в средней полосе (Аверкиева 2016: 33), здесь сейчас и постоянная занятость сельского населения (Аверкиева, Землянский 2016: 77). Что же касается развития торговли и предпринимательства, то на картах что в XX, что в XXI веке Черноземье образует устойчивую и глубокую ложбину (Баринова, Земцов, Царева 2023: 59, 60, 62).

Заключение

Если вычесть занятых в промышленности и торговле, то окажется, что не меньше половины сельского населения «коренной России» к началу 1860-х жили в сравнительно недавно колонизированном Черноземье. На памяти всего двух поколений (стариков, которые помнили рассказы дедов о собственном детстве) там было Дикое поле. Колонизация Черноземья привела к демографическому, экономическому и военному взлету России, но не сформировала там подобную Западной Европе устойчивую земледельческую традицию, которая к тому же была не очень близка исходной смешанной этнокультурной базе.

Заметно явное несоответствие демографических характеристик прихода Снежетка в качестве примера населения Черноземья чертам традиционного или классического земледельческого общества. Сообщество, в котором почти не соблюдают посты, толерантно относятся к рождению детей даже у женщин, называемых юридическим языком того времени «девицами», в котором распространены венерические заболевания и встречается фактическая полигамия и браки с несовершеннолетними, вряд ли можно считать глубоко религиозным, по крайней мере, с точки зрения формального следования установлениям Церкви. Воля людей и обычай часто были важнее внешних правил и ограничений. Проблемы с ведением метрических книг говорят о том же: туда вписывалось то, что желали прихожане.

Весьма не ранний, часто почти «подмосковный» возраст вступления в брак в местности, где, кроме земледелия, заниматься почти нечем, наводит на мысли, что местным семьям не особенно были нужны рабочие руки для труда на ниве. Для местных жителей была важна принадлежность к определенному роду, наследование фамилии предков, но увеличивать число ее носителей и радовать этим старейшин молодые мужчины-селяне совсем не торопились.

При вроде бы лучших агроклиматических условиях темпы естественного прироста в Снежетке были достаточно скромными, приход жестоко страдал от эпидемий, что говорит

¹³ <https://sreda.org/arena>

¹⁴ <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>

о не лучшем состоянии здоровья и материальных трудностях местного населения. Лично свободные однодворцы с широкими экономическими возможностями почти не пытались заниматься предпринимательством, зато «кочевали» по уездам Черноземья, потом участвовали в экстенсивной колонизации новых мест. А крепостные крестьяне в трудные времена «голосовали ногами».

Черты устойчивых сообществ намного заметнее не в Черноземье, а в нечерноземных регионах, но там земледельческая традиция не могла определять всю экономическую и социальную жизнь людей, поскольку для благополучия и простого выживания ее здесь издавна дополняли различные промыслы и ремесла. Авторы, исследовавшие шереметевскую вотчину Вошажниково в Ростовском уезде, и вовсе пришли к выводу, что аграрно-патриархальный характер русского общества – итог романтического мифотворчества (Dennison, Carus 2003). Так или иначе дореволюционный русский социум вряд ли можно считать аграрным в том же смысле, как постепенно перешедшие в рыночный, а затем и в городской индустриальный мир сообщества Западной Европы.

Означает ли это, что классик отечественной демографии А.Г. Вишневский не был прав? Говоря об общей траектории культурной трансформации страны в XX веке, скорее всего, он верно определил ее, мягко говоря, проблемный характер. Однако причины этого стоит искать, вероятно, не только в деятельности политических радикалов, пришедших к власти, но и в культурно-экономическом базисе, который этому предшествовал. До «бургов без буржуа» были, очевидно, «пейи без пейзажа». Нелюбимый серп оттуда ушел, а вот рубль толком не появился.

Мир плуга и сохи, который для многих стран извечное прошлое, для России, судя по всему – лишь пауза длиной в два с небольшим столетия. Что это значит для современности? Спрос на созидательный, но монотонный труд, подобный земледельческому, в мире уже не очень велик, а больше ценятся креативность, предприимчивость, контактность. Без них Россия не дожила бы до «аграрной паузы» и только с ними может смотреть в будущее.

Литература

- Аверкиева К.В. (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей Российского Нечерноземья. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 1, 25-37.
- Аверкиева К.В., Землянский Д.Ю. (2016). Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 2, 75-81.
- Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. (2023). *В поисках предпринимательства в России. Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
https://www.researchgate.net/publication/368406120_V_poiskah_predprinimatelstva_v_Rossii_Cast_I_Cto_meshaet_malomu_i_srednemu_biznesu_razvivatsa
- Белоножка Е.П., Клышнюк Е.А. (2011). Численный состав сектантства в Российской империи на рубеже XIX-XX вв. (на примере губерний Центрального Черноземья). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*, 7(102), 147-157.
- Вернадский Г.В. (1948). *История России. Киевская Русь*.

- Винник М.В. (2012а). Сезонность демографических процессов (на примере метрических книг Покровского прихода г. Барнаул, 1877-1886 гг.). В М.Б. Денисенко (Ред.), *Демографические аспекты социально-экономического развития* (Вып. 22., Гл. 10., сс.251-267). М.: МАКС Пресс.
<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/bzom5qu80v/direct/77847147.pdf>
- Винник М.В. (2012b). Метрические книги как источник по истории населения России. *Демоскоп Weekly*, 535-536. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit012.php>
- Вишневский А.Г. (1998). *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ.
<http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/s%26r/serp&rubl.pdf>
- Водарский Я.Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII в.* М. Наука.
https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/
- Всемирная история (1960). Карта «Развитие капитализма в сельском хозяйстве России». В *Всемирная история. Энциклопедия. Том 7* (с.144). Москва: Издательство социально-экономической литературы. <https://archive.org/details/Vsemirnaya-istoriya-v-10-tomah-7-tom-1960/page/n151/mode/2up>
- Греков Б.Д. (1944). *Киевская Русь*. М.-Л. Изд-во АН СССР.
- Демоскоп Weekly (2023). Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (данные загружены 01.09.2023)
- Загоровский В.П. (1991). *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке*. Воронеж. Издательство ВГУ.
- Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. (2020). Население России в 1939-1945 гг. *Вестник Российской академии наук*, 90(9), 845-857.
<https://doi.org/10.31857/S086958732009008X>
- Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. (2020). Формирование поселений зоны южнорусского фронта XVII – первой половины XIX вв. и современная демографическая ситуация в центрально-черноземном селе (по материалам Тамбовской области). *Журнал фронтирных исследований*, 5, 4(20), 38-58.
<https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.235>
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. (1965). Диалектологическая карта русского языка. В Аванесов Р.И., Орлова В.Г. (Ред.), *Русская диалектология*. М.: Наука.
- Зеленин Д.К. (1913). *Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации*. СПб.: Тип. А.В. Орлова. <https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf>
- Зеленин Д.К. (1927). *Русская этнография*. Лейпциг.
https://rusinst.su/docs/books/D.K.Zelenin-Russkaya_etniografiya.pdf
- Кабузан В.М. (1963). *Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в.:* (по материалам ревизий). М.: Изд-во Академии наук СССР.
<https://ihtika.ru/book/download/kabuzan-vm-narodonaselenie-rossii-v-18-per-pol-19-v-m-1963>
- Ключевский В.О. (1882). *Боярская дума древней Руси*. Московский университет.

- Круглый стол (2002). «Круглый стол» по книге А.Г. Вишневого «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР». *Мир России. Социология. Этнология*, 11(3), 73-85.
- Кудланов К.Б. (2022a). Двор-крепость однодворца Центрального Черноземья в XVII-XIX вв. как этнокультурный феномен. В Г.А. Салтык, И.Г. Косихина (Ред.), *Культурный континуум российской провинции: проблемы формирования и развития*. Курск.
- Кудланов К.Б. (2022b). Особенности притока однодворцев в города Центрального Черноземья в XVII-XIX веках. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право*, 12(5), 147-158. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-147-158>
- Курцев А.Н. (2008). Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861-1917 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 3, 82-92.
- Ларионов А.Н. (2007). Экономические основы существования Войска Донского. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 5(2), 100-109.
- Ляпин Д.А., Мизис Ю.А. (2021). Поведенческие модели населения крепостей Юга России в XVII в. (по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов). *Журнал фронтальных исследований*, 6, 3(23), 10-28. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.252>
- Милов Л.В. (2003). Особенности исторического процесса в России. *Вестник Российской Академии наук*, 73(9), 771-778.
- Миронов Б.Н. (1985). *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.)*. Л.: Наука.
- Миронов Б. (2017). Российская революция 1917 года сквозь призму демографической модернизации. *Демографическое обозрение*, 4(3), 6-58. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7316>
- Мустафин А.Р. (2021). Хлебный рынок с начала царствования Алексея Михайловича до конца правления Екатерины Великой: была ли «революция цен». *Quaestio Rossica*, 9(3), 911-926. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.3.618>
- Население городов (1897). *Население городов по переписи 28-го января 1897 года*. СПб.: Печатня С.П. Яковлева. <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15162-vyp-2-naselenie-gorodov-po-perepisi-28-go-yanvary-a-1897-goda-1897>
- Нефедов С. (2016). О Русской революции. *Эксперт*, 44, 58-63. <https://expert.ru/expert/2016/44/o-russkoj-revoljutsii/>
- Нечаев В.В. (2020). Землевладение однодворцев в Козловском уезде в XVII в. *Filo Ariadne*, 4(20), 53-72.
- Обухов В.М. (1927). Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг. В. *Влияние неурожая на народное хозяйство России*. М.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. (2015). Отходничество как новый фактор общественной жизни. *Мир России. Социология. Этнология*, 24(1), 35-71.
- Рашин А.Г. (1956). *Население России за 100 лет (1811-1913 гг.)*. М.: Госстатиздат. <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/rashyn/rashyn.html>

- Рязанов В.А. (2021). Особенности демографических процессов в Европейской России в XVIII-XIX веках: опыт анализа метрических книг трех православных приходов. *Демографическое обозрение*, 8(3), 20-41.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13265>
- Рязанов В. А. (2022). Особенности демографических показателей промышленного крепостного населения XVIII-XIX веков: метрические книги села Кудиново Богородского уезда 1777-1862 гг. *Демографическое обозрение*, 9(2), 4-21.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16203>
- Топорина В.А. (2011). *Усадебно-парковые комплексы Центральной России XVIII-XIX вв. в культурном ландшафте*. Автореферат дисс. ... кандидата геогр. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. <http://www.geogr.msu.ru/science/diss/oby/Toporina.pdf>
- Трейвиш А.И. (2009). *Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа*. М.:Новый хронограф.
- Туровский Р.Ф. (2000). Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности. *Полития*, 4(14). <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/359618241.pdf>
- Управление Тульской палатой Госуд. имуществ (1795). *Этнографические сведения о быте государственных крестьян Тульской губернии*. СПб.
- Чарыков Н.В. (1906). *Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637-1694)*. СПб. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003740035>
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1903). Четвертные крестьяне (перенаправление с Одноворцы) в кн. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т.38А (76), Человек-Чугуевский полк, 726-736.
<https://runivers.ru/bookreader/book10207/#page/261/mode/1up>
- Чуркин М.К. (2016). Одноворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX вв.). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 3(12), 34-38.
- Avdeev A., Troitskaia I., Blum A. (2004). Peasant marriage in nineteenth-century Russia. *Population*, 59(6), 721-764. <https://doi.org/10.2307/3654894>
- Dennison T.K., Carus A.W. (2003). The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the evidence. *Historical Journal*, 46(3), 561-582.
https://www.researchgate.net/publication/231793077_The_invention_of_the_Russian_rural_commune_Haxthausen_and_the_evidence
- Kolle H. (2006). *Social change in nineteenth-century Russia: family development in a proto-industrial community*. Thesis for the degree of dr.art. University of Bergen, Norway.

Приложение

**Таблица П1. Численность населения (до 1863 г. только мужского)
по укрупненным районам Европейской России, 1678-2021, тыс. человек**

Год	Северо-Восток	Центр	Заволжье	Запад	Юг	Сумма
1678	909	205	575	261	470	2 420
1719	1 394	385	931	715	1 321	4 745
1744	1 320	389	1 091	873	1 482	5 154
1762	1 441	396	1 098	1 033	1 754	5 722
1782	1 635	443	1 327	1 285	2 274	6 964
1795	1 675	481	1 417	1 311	2 514	7 398
1811	1 784	520	1 541	1 415	3 002	8 262
1816	1 766	521	1 519	1 322	2 889	8 018
1834	1 962	633	1 725	1 521	3 542	9 382
1850	2 006	649	1 836	1 533	3 824	9 847
1858	2 046	654	1 887	1 527	4 039	10 153
1863	4 545	1 564	4 218	3 255	8 692	22 274
1885	5 211	2 184	5 023	3 861	11 191	27 469
1897	5 559	2 431	5 601	4 078	11 422	29 090
1914	7 214	3 591	7 242	5 526	15 973	39 547
1926	7 414	4 561	6 870	6 955	13 253	39 053
1939	8 804	8 917	6 681	6 566	12 542	43 510
1959	8 633	10 949	4 803	5 549	10 143	40 076
1970	8 803	12 836	4 610	5 635	10 341	42 225
1979	8 826	14 370	4 531	5 541	10 051	43 318
1989	8 966	15 661	4 623	5 567	9 977	44 794
2002	8 300	17 001	4 196	5 146	9 606	44 249
2010	7 756	18 599	3 863	4 829	9 202	44 248
2021	7 380	20 350	3 613	4 556	8 897	44 796

Источники: Расчеты автора по данным (Водарский 1977; Кабузан 1963; Рашин 1956; Демоскоп Weekly 2023).